Если в самой живописи связи Кандинского с русским символизмом уясняются скорее окольными, чем прямыми путями, то в сфере теории эти связи определеннее и различимей. Здесь на первый план выступают параллели между высказываниями Кандинского, наиболее последовательно сформулировавшего свои теоретические позиции в книге «О духовном в искусстве», в статьях, напечатанных в альманахе «Синий всадник», в воспоминаниях, опубликованных сначала в 1913 г., на немецком языке, а затем в 1918 г. на русском, с одной стороны, и с другой — многочисленными статьями и книгами В. Брюсова, Вяч. Иванова, Андрея Белого, А. Блока и других представителей русского литературного символизма. При этом далеко не всегда мы имеем возможность говорить о прямом влиянии на художника суждений перечисленных выше теоретиков и практиков русского литературного символизма. Лишь некоторые из этих суждений по времени предшествуют высказываниям Кандинского. Речь скорее должна идти об «общем воздухе», общем характере мышления, о тех концепциях, которые вызревали в среде русских интеллектуалов еще в 90-е годы, когда Кандинский был в России. Разумеется, эти концепции имели немало общего с идеями немецких и французских символистов, о чем уже много написано. Я не собираюсь отрицать эту общность. Но мне важно как бы сохранить за Кандинским право опираться не только на немецкую или французскую, но и на русскую теоретическую мысль. Тем более, что сами русские символисты неоднократно утверждали, что их открытия скорее связаны с русской традицией, с традицией Лермонтова, Тютчева, Баратынского, Фета и особенно Владимира Соловьева. Тем более, что многие положения русских символистов не только находят отклик в теории Кандинского, но непосредственно реализуются в его живописном творчестве.

Первое, что бросается в глаза при сопоставлении высказываний Кандинского с суждениями русских поэтов-символистов, это близость его идеи «внутреннего звучания» мыслям Вячеслава Иванова о «скрытой жизни» образа, Валерия Брюсова о необходимости «прозрения», соображениям о внешней и внутренней форме слова Андрея Белого, следовавшего концепции А. Потебни.

Идея «внутреннего звучания» была одной из центральных в теории Кандинского. Она возникла на почве борьбы с позитивизмом. Пафос этой борьбы охватил в то время и философию, и эстетику, и художественное творчество. Позитивизм, утвердившийся в XIX в. как в философской мысли, так и в искусстве, затронул и богословие, проник в религиозную сферу, найдя себе прибежище не только на Западе — особенно в протестантизме, всегда имевшем склонность к позитивизму, но и в российском православии. Русские религиозные философы выступали с решительным протестом против этой тенденции. В 1874 г. Владимиром Соловьевым была защищена диссертация — «Кризис западной философии (против позитивизма)». В более позднее время все представители русской религиозно-философской мысли не упускали случая противопоставить свои идеи идеям философов-позитивистов, видя в деятельности последних главную причину оскудения философской мысли и опасность ее полной деградации. Против позитивистского наследия боролись и теоретики символизма. Им как бы вторил Кандинский в своей книге «О духовном в искусстве». Позитивисты, по его мнению, «признают только то, что может быть взвешено и измерено. Остальное они считают той же вредной чепухой, которой они вчера считали „доказанные" сегодня теории. В искусстве они натуралисты. Они признают и ценят личность, индивидуальность и темперамент художника, но только до известной границы, проведенной другими, и в эту границу поэтому они твердо верят» [7, с. 34].

В преодолении внешнего начала видел художник главную цель подлинно творческого порыва. Он восхищался способностью Сезанна в каждой вещи, «всюду видеть внутреннюю жизнь» [7, с. 48], отмечал в Ван Гоге «начатки „претворения природы", то есть тяготение к тому, чтобы представлять природу не как внешнее явление, а главным образом выразить элемент *внутренней импрессии*, недавно получившей наименование *экспрессии*» [7, с. 101], предрекал, «что в основе как каждой малой, так и в основе величайшей проблемы живописи будет лежать